

An artistic illustration of two characters in a close embrace. The character on top has long, flowing white hair and is wearing a dark, textured garment. The character on the bottom has long, dark hair and is also wearing a dark garment. They are both looking down with closed eyes, suggesting a moment of intimacy or grief. The background is a warm, golden-yellow color with soft, painterly textures.

АЛЕКСАНДРА
КАПЛУНОВА

ВТОРОЙ ТОМ

УЧЕНИЦА
ХОЗЯИНА ТОПИ
в Академии

Александра Каплунова Ученица Хозяина Топи, в Академии

<https://litres.ru/74213564>

Аннотация

Много чего пришлось преодолеть Лесьяру и Весенье на пути друг к другу! Но вот, замыслы злодейские разрушены, а Веша получила свою путевку в настоящую магическую академию! О таком она и мечтать не смела! Только вот проблема... Лесьяру-то надобного еще пять годков на Топи отслужить. Как теперь быть им, едва друг друга обретших? И в самой академии не все чисто. Девицы пропадают одна за другой... Ну, берегись, нечисть! Веша своих не бросает!

Это вторая часть истории о Весенье и Лесьяре! Первая часть "Ученица Хозяина Топи, сказка с болот" -

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	57
Глава 6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1

Весенья не находила себе места. Словно стул со спинкой резной, на коем сидела она, не бархатом обит был, а раскаленными угольями посыпан.

— Прекрати елозить, — чуть склонив голову к своей подопечной, шепнул мужчина, сидевший с ней рядом. Шепнул едва слышно, единственно она и услышала, да толку-то? Лишь сильнее под кожей от нервозности зазудело.

Теперь, когда башня Хозяина Топи разрушена, а конклав магов изведal о существовании нерадивой ученицы — Весеньи из деревни Большие Липки, покой бедняжке только снился.

Кабинет, где все они собрались, был погружен в полумрак. Светляки невесомо парили где-то под потолком, едва очерчивая тенями стоявшие вдоль стен шкафы. Запах книжной пыли и дерева лаком покрытого в другой ситуации вызвал бы у Вешы весьма теплые ассоциации, но не теперь.

— Я считаю, такой талант не должен прозябать в глуши. Не обессудь, Лесьяр, но у тебя практически нет преподавательского опыта... — покачал головой один из собравшихся — усатый мужчина с тяжелым взглядом под черными кустистыми бровями.

— Ты прав, Дубраш, — вздохнул Лесьяр. Веша на него тут же взгляд поворотила очей широко распахнутых.

Не могут же они теперича дар из нее вырвать? С силой расстаться для мага подобно потере души. Жить-то можно, да смысла не имеет... Разве ж виновата Весенья, что в деревне родилась, что одна лишь бабуля-шептуха ее воспитанием занималась? Что не сумела денег собрать на академию магическую и явилась к одному лишь известному в их краях магику — Топи Хозяину... Теперь уж, правда, судя по всему, бывшему Хозяину...

Вот он, рядом сидел теперича. Поседевший раньше срока, взлохмаченный, с синюшными кругами под глазами на бледном, но таком красивом лице. Удерживал ее пальчики в своей теплой ладони, тщаься хоть как-то успокоить.

Ощувив на себе испуганный взгляд, магик и сам внутренне сжался от щемящего чувства. Девочка в нем подмоги ищет, доверяет ему, нельзя ее на расправу этим дедам оставить.

— Посему мы намерены предложить место в академии, — продолжил за коллегу убежденный седидами Добромир. На вид Веська дала бы ему целую тысячу лет, весь какой-то согбенный, высохший, с выцветшей землистой кожей. Однако взор его притом оставался оживленным и ясным, в уголках глаз засели смешливые морщинки. А памятуя, как искренне обрадовался Лесьяр, повстречав его еще там, у башни, когда делегация конклава вылезла из портала, старец почти вызывал доверие.

Впрочем, почти.

Заяви кто Весенье в былые времена, что ее берут в академию, она бы прыгала от радости до самого потолка, аки молодая козочка. Нынче же, когда она по своей глупости и наивности изловчилась в беду угодить, питать доверие к кому бы то ни было окромя самого Лесьяра, стало боязно.

— С полной стипендией, разумеется. За особые заслуги перед конклавом, — продолжил тем временем Добромир, с хитрецей посматривая на парочку. Лесьяр, его бывший ученик, выглядел сейчас хоть и уставшим, но держался настороже. От старика не укрылось, как магик все то время, что они здесь толковали, поддерживал на себе и своей ученице незримый магический щит.

— И контракт будет? — спросил Лесьяр с сомнением.

— Конечно, господин Раце, все подготовим в лучшем-с виде, — отозвался уже другой представитель конклава, малорослый мужичонка с огромными очками на носу. Он немедленно принялся рыться в каких-то папках на столе, перебирая бумаги.

Веська же встрепенулась, фамилию своего избранника она прежде и не слыхивала. Раце, значит... что-то до чрезвычайности знакомое. Припомнить бы только, где слышала. Впрочем, поразмыслить об этом можно позже. А вот понимание грядущего мало-помалу начало просачиваться в уставший девический разум... Она покосилась на Лесьяра, тот кинул взор в ответ, улыбнулся, кивнул. Знать, не брешут?

Точно во сне тягучем, Веша взглядом собравшихся обве-

ла. Разве могла она когда-то себе представить, что ее, простую девчонку с незаурядным талантом к магии, возьмут в академию ведовства, да еще и на довольствие определяют?

— Сейчас, конечно, уже заканчивается первый триместр, но, думаю, нагонишь однокашников при должном старании, — продолжил Добромир, уж к ней напрямую обратившись, — если, конечно, примешь предложение.

— Особого выбора у нее нет, — пробурчал Дубраш в свою очередь, смиряя девицу недовольным взглядом, — или академия, или сила будет изъята.

Веселость, что едва только проступила на лице девичьем, сменилась обреченным пониманием.

Выбор без выбора...

— Коллега, вы, как всегда, делите мир лишь на черное и белое, — рассмеялся Добромир и снова повернулся к Весенье, — мы не станем требовать вашего согласия сию секунду, понимая, что вам пришлось пережить. Думаю, все мы можем подождать до утра.

Дубраш, по всей видимости, не мог, но все же промолчал. Лишь смерил парочку угрюмым взглядом.

— А пока будьте гостями, продолжим за завтраком.

Они поднялись из-за стола, Веська заторопилась следом, стул пренеприятно скрипнул по полу.

— Любавонька, будь добра, проводи дорогих гостей, — зычно позвал Добромир. И не подумаешь, что этакий сухонький старикашка может столь громоподобно кликать.

Тотчас отомкнулись большие двустворчатые двери, и появилась на пороге девица-раскрасавица. Ладненькая, тоненькая, волосы под платочком ажурным убраны, сарафанчик расписной с рукавами-воланчиками, а спереди — фартучек белоснежный да накрахмаленный.

Весь себя понуро оглядела, платье, некогда прекраснейшее, из летящей тончайшей органзы с многослойным длинным подолом, теперича изодрано было немилосердно да перепачкано невесть чем. Вон землицы пятно, тут кровушка, поди разбери — своя али чужая. Лицо вот болит, щека тюкает, губа какая-то припухшая. Спрятала пальцы в длинных рукавах, да за Лесьяром посеменила на выход.

Магики конклавские, остались, стало быть, в кабинете заседать.

Переходы устланы были мягкими коврами. Те шаги скрадывали, что, казалось, вовсе беззвучно они втроем здесь шествуют. Провожатая лишь разок на них через плечико глянула, взором глаз чуть раскосых смирила, хихикнула сама себе, да боле не оборачивалась. Лесьяр же Веськину руку не отпускал, за что девица ему признательна была сверх меры. Теплая его ладонь сейчас стала тем самым необходимым якорем, что не позволял сорваться в хаос собственных мыслей.

— Подручные ваши уже в светлице поджидают, извелись все, — сообщила как бы между прочим своим спутникам девица. Веська едва себя по лбу не хлопнула! В этой суматохе совсем забыла о чертях. Они ж с ними вместе в

портал зашли, а опосля мальцов попросили внизу обождать, а Вешу с Лесьяром наверх, в кабинет увели.

— Благодарствуй, — кивнула Веса, проводница их тем же ответила.

— Сюда, — перед Вешей дверь распахнула, — горячей водицы вам уж приготовили, одежду тоже. Коли что — зовите, — и магика этак под руку прихватила, в глаза тому заглядывая, — пойдём, господин Раце, твоя опочивальня дале по коридорчику.

Весенья от беспардонности этакой опешила. Взор огненный в наглую лапу вперила, как только та пламенем не возгорелась? Лесьяр, впрочем, тоже на этакие смелости в свой адрес не готов оказался. Руку потянул из захвата, мягко, но настойчиво, и к Весенью шагнул.

— Отдохни как следует. И ничего не бойся, в этом доме тебе зла не причинят, — а сам лицо ее обхватил и к себе повернул. Любава на то тихо фыркнула, но шажок назад все ж сделала.

Весенья в очи желтые глядячи, готова была прямо тут с ним и остаться. Не хотелось отпускать его от себя, а вдруг снова исчезнет?

Тотчас и разруха в башне пред глазами встала. И почуяла сызнава под пальцами ледяные камни обвала. И привкус крови во рту. Отчаяние новой волной захлестнуло, словно не выбрался ее Лесьяр из-под тех завалов.

Магик, чуя отчаяние на сердце девичьем, и сам весь ми-

гом в напряжение пришел. Теперь уж не только за лицо, целиком ее обнял, к груди прижал.

— Я здесь останусь, — сообщил Любаве решительно. Та словно рыбка губами зашлепала, про репутацию девичью что-то, про порядки и разнузданность магову. Но Лесьяр того слушать не стал, шагнул в комнату, Весенью пред собой туда же заталкивая, да дверь захлопнул. Хитрое движение ловких пальцев и на входе повисло защитное плетение. Откуда только силы брал?

— А так можно? — Веся, похоже, и вовсе растерялась. Не ожидала, что так решительно и рьяно магик ее покой беречь станет.

— Сегодня нам все можно, — улыбнулся ласково, за плечи ее дальше в светелку провожая.

Тотчас из-за ширмы навесной возня послышалась, а мигом позже выкатились оттудова двое потанят. В спешке ведущую встретить, в своих же ножках, копытцами увенчанных, запутались.

— Хозяюшка! — кинулись к ней, обняли с обеих сторон, пяточки курносые в пояс ей уткнули обнимая.

— Все хорошо? — спросила Веся, поглаживая своих подручных по курчавым макушкам. Те синхронно головы к ней задрали.

— Это нам тебя о том спрашивать должно! — возмутился Зарька.

— Так, малыцы, вместо того, что свою хозяйюшку тискать,

— и «хозяюшку» этак выделил ехидно, — вы б ей подсобили умыться да переодеться.

Потанята точно опомнились. Ладшки разжали, да Весеньюшку под белы рученьки повели в другой уголок, где бадья, парком исходившая, стояла.

— А ты, хозяин, за занавеску иди, да смотри не подглядывай! — зашипели на него чертенята.

Лесьяр руки в примирительном жесте поднял и, спорить не желая, ретировался в указанном направлении.

— Чего я там не видел, — фыркнул напоследок и скрылся за занавесью, не приметив, как все трое взглядом его грозным смерили.

Потанята тем временем Весеньюшку к бадье подвели. Та не слишком велика оказалась, но воды вдосталь. Тут же ширма соломенная нашлась, кою подручные споро выставили, девицу от неожиданных взоров в дополнение укрыв, да за ней и остались.

Веся, в одиночестве очутившись, потянула с плеч ткань платья. То опало к ногам жалким лоскутом, лишь отдаленно напоминая ту красоту, коей прежде смотрелось. Вчера еще в это время у озера Велесову ночь праздновали. Танцевали, да через костры прыгали, а сегодня... вон как все быстро переменялось.

Потянулась Веся к ветоши, рядом с бадьей на скамье сложенной. Смочила тряпицу да принялась грязьцу с кожи оттирать. Волосы медвяные так и норовили под руку попасть-

ся, пришлось в тугую косу переплести. Пока переплетала, над водной гладью склонилась и ахнула — порез через всю щеку проходил. Запекшаяся корка кожу стягивала безобразно. Весенья ту оттирать принялась с шипением, больно все же. Снова в отражение глянула — вроде получше, но как-то боязно сделалось... А что, ежели шрам останется? А может, Лесьяр такого не любит? И ее разлюбит тогда, значит?

Ладощку к губам прижала.

Лесьяр ее любит. Как чудно это даже в мыслях от самой себя слышать. Может, ей все то привиделось?

— Хозяюшка, у тебя все в порядке? — прозвучал взволнованный Зарькин голос.

— Все хорошо, — а чего так сиплю прозвучало?

Принялась умываться снова, со всем тщанием, из головы все лишнее вытряхнув. Не стоит в таких мыслях копать, когда в разуме все хаосом полнится.

Кожу до красноты натерла, вода почитай остыла, когда Веша все ж решила, что довольно. Еще разок с грустью глянула на платье свое праздничное, сиротливо ныне на полу лежащее, вздохнула, да делать нечего. Взяла со скамьи стопку одежды, исподнее, да сарафан простенький, все чистенькое и на том спасибо хозяевам.

— Я закончила, — вышла из-за ширмы, косу расплетая. Волосы бы вычесать чем.

— Получше? — Лесьяр из-за занавеси показался, девушку обводя взглядом. Та улыбнулась смущенно, кивнула. Магик

тоже себя успел чутка в порядок привести, ему, правда, теплой воды не досталось, но он и холодной управился, из тазика для умываний.

— Присядь, хозяйюшка, — Славка ей табурет подтащил, а Зарька откуда-то гребень достал. Чтoб она без них делала? Присела послушно, отдавшись на милость своих подручных. Лесьяр вот тоже стул взял, напротив поставил.

— Понимаю, что все мы устали, но нам нужно обсудить то, что произошло, — начал он осторожно, ладонями в колени упираясь. Обычно в себе такой уверенный, теперича магик выглядел... уязвимым? — Я сомневаюсь, что утром у нас останется на это время.

Весья сглотнула, на него во все очи уставившись, кивнула. На щеках бледных румянец взволнованный выступил.

— Опустим тот факт, что ты бессовестно ослушалась и отправилась на празднество, — от осуждающего его взгляда готова была Весеньюшка под пол провалиться. Румянец мигom разрастаться принялся, уже все лицо заполнив, да по шее спускаться принялся алыми пятнами. Глаза потупила, пальчики в кулачки сжала да на коленках те смиренно устроила.

Зарька со Славкой, локоны ее медвяные вычесывая и во все вид делали, что их тут и нетути. За спиной ведуньи от магова грозного взгляда упрятались и там уж своим делом занимались.

— Отправилась, — кивнула виновато, боясь очи на него поднять. Коли б не ее выходка дурная, как знать, может, и

миновала бы беда.

— Весенья, — Лесьяр потянулся, за подбородок лицо ее приподнимая да заставляя все ж в глаза его сверкающие заглянуть. И не нашлось в них ни злости, ни осуждения, усталость лишь, да нежность щемящая. Провел пальцем по ссадине на девичьей щеке, по губе разбитой, отчего Веся выдохнула судорожно. Не то оттого, что болью чуть кольнуло, не то от жара, что в груди тотчас отозвался.

— Не закрывайся от меня, — он все ж опустил руку, едва приметно улыбнувшись, отметив реакцию девичью на собственные до нее касания, — я не гневаюсь. Хотя, признаться, когда заприметил тебя танцующей у костра, возникло большое желание как следует тебя выпороть.

Вот теперь румянец из бледно-розового и вовсе багряным стал. Невозможно было без смеха смотреть, как удивление со стыдом на пополам, на лице девичьем расцветают. Магик улыбнулся паскудно, вот нравилось ему ее до того доводить.

Веся ж в замешательстве возмущенном захлебывалась. Да ее даже бабуса лишь разок хворостиной по двору гоняла, а чтоб вообразить, как магик через колено перекинет, подол задерет и драть станет... Вот стыдоба!

— Представила? — а сам снова препаскудно посмеивается. И уж хотела отозваться колко, когда, чуть глубже вдохнув, Лесьяр смехом подавился, поморщился и согнулся чутка.

— Болит что? — тут уж на месте не усидела, из лапок

потанятовых выскользнула да перед магигом на колени упала. Пальчики девичьи суетливо принялись бока и живот его ощупывать, точно могла она что там найти.

— Пройдет, ничего серьезного, — остановил ее Лесьяр, руки девичьи перехватывая. Притянул ее к себе, снизу вверх в очи ясные вглядываясь. Обнял за талию и лицом к груди ее прижался. Стук юного сердечка, галопом от того зашедшегося, внезапно таким необходимым оказался, слушать бы его вечность. Глаза прикрыл выдыхая.

— Когда я понял, что Арьян тебя к камню забрал... никогда в жизни такой ярости не испытывал. И страха тоже, — признался магик.

Весенья ж, не ожидая от того порыва этакого да откровений настолько задушевных, робко ручки на его плечи опустила. Под пальцы волосы шелковые его попались. Прежде черные, точно смоль, ныне седым серебром переливали. Сверх всякой меры силы разом выплеснул.

— А когда башня обрушиваться принялась... — голос его сдавленно слышался, а пальцы мужские в спину буквально впились. Точно страшился магик, что испарится она, коли держать ее не будет как следует.

Весенья не нашлась что ему ответить. Хотелось успокоить, да горло точно тисками сжимало, на глаза вот слезы не кстати навернулись. Сама в ответ обняла его крепко.

Так бы и стояла вечность, дыхание его слушая, да по волосам рукой вода бездумно, но сам он первым шевельнулся.

Объятий, впрочем, не разжал, отдалился лишь чутка, снова взор ее выискивая.

— Полоз все это давно задумывал, — продолжил Лесьяр, — помнишь, я говорил, что прежде защита камня дольше держалась? То неспроста было, как и то, что Арьян гарем свой регулярно пополнял. Он таскал кровь девичью, портил плетение, но окончательно порушить был не в силах, потому как сам не любил, а это для заклęcia важно... Я это уж после понял. Потому и хотел, чтоб ты в его любовь поверила. Видел, что в тебе сила колдовская сильна и, видать, надеялся, что это свою роль сыграет.

— А потом он узнал... — Веся замаялась, не сумела снова слова о любви вслух сказать.

— Да, — улыбнулся магик, — потом мы разыграли перед ним ту сценку, и он решил свои планы поменять. А Велесо-ва ночь, когда ткань между мирами тоньше обычного, ему только на руку пришлась.

— Значит, даже если бы я на праздник не сбежала, он бы все равно все устроил? — от понимания сего с плеч девичьих точно гора свалилась. Лесьяр кивнул, вывод ее подтверждая.

— Думаю, да. Базан тоже не просто так силу твою тогда требовал, они ее использовали, чтоб полозов морок усилить и нас с тобой околдовать.

Плечо вот заныло сызнава, хотя и понимала Веся, что еще там, у башни, живой воды ей в рану капнули, залечивая вмиг. Снадобье мощное, но уж больно сложное, потому пользова-

ли его лишь в самых крайних случаях.

— Прости меня, — все ж промолвил с тоской небывалой в глазах, — что не смог воспротивиться, что ранил тебя...

Вот чего угодно ждала, но что прощения у ней просить станет — точно нет. Лучше бы ругался, ногами топал, выпорол бы ее в самом деле! Лишь бы не глядел с такой виной во взоре!

Сама не заметила, как снова слезы на глазах проступили. В груди так тесно нестерпимо стало...

— Ты мне это прекрати! — ком сглатывая, заявила строго, — нет в том твоей вины!

Слезинка одинокая все ж по щеке сорвалась, но магик ее быстро губами стер...

Глава 2

Весья, глаза прикрыв, замерла. Вроде притронулся Лесьяр невесомо, а у ней уж сердце взволнованное в груди заметалось, хотя прежде остановиться уж готовилось.

Магик то заприметив, улыбнулся легко. Вот ведь пичужка маленькая, когда надобно — бойкая, ничего не страшится, коготками своими кого угодно изодрать способна, а как с ним рядом — обмирает вся.

Потанята вот, не желая мешать милующимся, отступили в сторонку да в тених растворились, лишь глаза и блеснули, смеющиеся.

— Весенья, — позвал Лесьяр чуть слышно, золото волос с лица ее откидывая.

Она сперва один глазик приоткрыла, следом другой, точно проверяла чего да сомневалась вовсе, стоит ли очи распахивать. Губу вот прикусила сызнава, на что магик прищурился недовольно. Перстом ту из зубов вытянул.

— Просил ведь, не делать так, — проговорил нарочито сурово. Но голос мужской, звучащий в этот миг отчего-то особенно низко, мурашками по всем позвонкам у Веньки пробежался.

Хмыкнул, желтизной очей светясь, да все ж пустил ее, приневолил себя руки разжать. Весья перед ним уселась на прежнее место, вовремя однако, еще б чутка, коленки б точ-

но подогнулись. Лесьяр и сам на свой стул откинулся.

— Ты должна согласиться на академию, — вот словно бы и гладко молвит, а сам так глядит на нее, что Веша сразу почувяла, какой огонь в нем притом полыхает.

— Согласиться? — отозвалась растерянно, вмиг все опьянение от прикосновений его истлело.

— Именно, — кивнул, дожидаясь, пока Веша возьмет в толк сказанное.

— Но ведь ежели я уеду, ты-то здесь останешься, — лепечет, а сама подол уж в пальцах сжимает. Взгляд так и мечется.

Магик вздохнул тяжело, на ноги поднялся. Знал, что разговор сей приятным не будет.

— Да, мой срок на болотах еще не вышел, — ответил, как на духу, а самому аккурат нож под ребра входил неторопливо. Особливо по мере того, как девичье лицо к нему обращенное бледнеть принялось стремительно.

Стало быть, едва обрета друг друга, должны они будут разлучиться...

— Не уж-то нельзя ничего сделать? — потянулась было к нему, за руку пытаясь поймать. Но Лесьяр поднялся, увильнул, выходит. Веша понурилась тотчас, а он к окну отошел, отвернулся.

Тягостно. Даже воздух словно гуще сделался, в легкие проходить не желал.

— Почти пять лет еще сроку, — слова прозвучали, точно

приговор.

— Ну... я ведь могу на каникулы к тебе приезжать? — принялась рассуждать Весенья, на ходу что угодно придумать готовая, — а ежели ступу мне дашь, то хоть каждые выходные летать стану.

Обернулся к ней, ликом просветлев. Вот ведь ученица ему досталась.

— Иди сюда, пичужка, — руку к ней протянул. Веся шагнула тотчас.

— Дашь ступу? — заглядывая снизу вверх в глаза ему, спросила.

— Подумаем еще об этом, — притянул ее к себе, за плечи придерживая.

— А почему тебя вообще на болота отправили? — спросила вроде между прочим, а сама замерла, ответа ожидая. И Лесьяр напрягся. Прежде-то не говорили о том.

— Давно это было, — отозвался уклончиво.

— А ты не скрытничай, — не уgomонится ведь.

— Я служил в храме магии, среди тех, кто поклоняется и чтит все сущее, — Веся кивнула, показывая, что понимает о чем он. Такие храмы повсеместно по царству стояли. Маги, кои там службу несли, помогали люду честному с проблемами всяческими, а заодно и землю силой питали особыми ритуалами. Для того искусными магами быть надобно, не каждого на такую службу принимали, а кого брали, те завсегда в большом почете пребывали.

— Тот храм стоял в Яснограде, к нам приходило много людей, — в самой столице служил, значит! — и среди них был один паренек. Из небогатой семьи, но добрый и неглупый. Он часто спрашивал о работе и за любую брался, какую мы предлагали. Дара в нем не было, но я всегда старался его куда-то пристроить. Потому странным показалось когда он пропал какое-то время. А когда снова появился, пришел не один. Привел с собой девицу... — он замялся чутка, взгляд отводя, — беременную.

Веська даже рот приоткрыла в удивлении, все никак в толк взять не могла, к чему магик клонит.

— От тебя, что ли? — спросила с изумлением. Лесьяр даже поперхнулся.

— Вот ты иногда, как скажешь, Весенья, — по волосам ее потрепал насмешливо, — от него она понесла. Далось мне, в храме служа, девиц малолетних совращать.

На то Веся его взглядом многозначительным смирila. Сам с ней не раз игрался и шутками скабрезными в смущение приводил. Магик лишь глаза закатил.

— Мальчишка упросил меня поженить их, — продолжил он. И замолчал. А Веся так и не поняла, в чем здесь проблема. — Без согласия родичей, да еще и через магический ритуал. Боялся парень, что коли узнают, от кого девица понесла — избавятся от дитя, а ее отошлют, что не найдет.

— Уговорили, значит, — вздохнула, понимая, наконец.

— Уговорили. А девица та оказалась дочкой наместника.

Вот тут уж Веша второй раз рот раскрыла. Ничего себе парнишка удалой!

— Вот-вот, — рассмеялся магик на ее изумление, — а представь, как удивился ее папочка. Ритуал-то не разорвешь. Пришлось ему зятяка принять, скрипя зубами. Зато на мне отыгрались. В прямую наказать не смогли, вроде ж храм для каждого открыт, особенно ежели девица на сносях. Но конклаву условие поставили, чтоб отлучили от храма, как хотят. А в то время в башню как раз нового хранителя подыскивали. Так и сложилось все.

— Но ведь ты ничего дурного не сделал...

— Наместник Яснограда с тобой бы не согласился, — фыркнул Лесьяр, Вешу к груди прижимая, в макушку ей подбородком уперся, вдыхая волос ее запах. Давно уж хотел так сделать, так сегодня вот, наконец, можно. — Не думай пока о том.

Так бы и стояли у окна обнявшись, да теща друг друга своим теплом, коли б в дверь не постучались.

Лесьяр тихо ругнулся, выпустил Вешу из объятий, напоследок макушку ей пошебуршив, да пошел отворять.

Служка принес скромный ужин. Магик, забрав поднос, дверь снова запер и девицу к столу кивком позвал.

Ели в молчании. Устали оба, а завтрашний день не так уж радужно выглядел. С едой закончив, отправились спать.

За ширмой, правда, лишь одна кровать обнаружилась. Веша, как то увидала, снова пунцовать принялась. Это ж как им

делить-то ее? Не решит же магик, что коли они в чувствах друг другу поведались, так теперь и до постели добраться можно?

Не решил. Одеяло скинул, подушку поверх и собрался уж на полу устроиться. Тут уж девичья гордость куда-то упряталась.

— Ты чего это делаешь? — сразу пред глазами встало, как в башне его ударами силы Арьяновой прикладывало и как сам морщился от смеха буквально недавно.

— А что, в постель к себе позовешь? — вот вроде и говорит спокойно, а глядит опять так, что готова Веся под этот самый пол провалиться.

— На печи у Ягишны как-то спали, — пробурчала смущенно, на постель забираясь, да к стенке отодвинулась.

— Как скажешь, пичужка, — усмехнулся магик, сам на матрасе растянулся, руки под голову закинул. Выдохнул устало, пальцами повел, что все лучины мигом погасли в комнате. Мрак их обоих укрыл.

— Лесьяр? — позвала едва слышно, под одеялом в клубок сворачиваясь.

— М?

— Все ведь хорошо будет?

— Будет...

— Обещаешь?

— Обещаю... Спи, Весенья.

Наутро глаза раскрыв, Веша и не поняла, где находится. Потанята вот в ногах калачиком свернулись да посапывали себе. Солнышко яркое через занавеси едва пробивалось. Лучики его игривые по полу деревянному скакали, внимание девичье отвлекая.

Глаза потеряв, села ведунья, озираясь, но уж в следующий миг вновь на постель усталилась. Подушка вторая примятая была, стало быть, не приснилось, что вновь с Лесьяром бок о бок спали. Тут же в голове и дни последние круговертью всплыли. Вот вроде и времени всего ничего успело миновать, а событий, словно полжизни прожили.

Наскоро себя в порядок привела и в коридор выглянула. Никого не обнаружив, вышла, дверь за собой притворила да вперед побрела в надежде хоть кого встретить. Ноги сами к кабинету привели, где давеча с магиками дела насущные обсуждали. Двери приоткрыты оказались, и сквозь щелочку смогла Весенья разговоры расслышать.

— Зачем так далеко? — голос Лесьяра с возмущением прозвучал. Хотела было девица уж внутрь зайти, да приостановилась.

— Где места есть, туда и направим! — резко отозвался Дубраш. Вот сразу он Веське не по нраву пришелся. Злобный какой-то.

— Ну, полно, коллега, можно ведь и в Елизаветинскую... — Добромир, стало быть, тоже с ними.

— К благородным девицам? — Фыркнул ядовито старик.

— Чтобы мне потом папаша с мамашами написывали, зачем к их дочуркам деревенщину сунули?

— Она не деревенщина, — Лесьяр цедил сквозь зубы.

Это они о ней, что ли?

— Да, благовоспитанная барышня! — Расхохотался Дубраш. Вот ведь гад такой!

Веська уж готовилась с возмущением внутрь шагнуть. Может, она в институтах не обучалась и гувернерки у ней не было, но вести себя прилично Весенья завсегда умела! Бабуся хорошие манеры ей привила.

К ручке дверной потянулась уж, когда позади Любавы голос раздался:

— Подслушиваешь? — и эдак нарочито громко, чтоб в кабинете наверняка слышали. Сама пред Вешей протиснулась, двери распахивая.

— И ничего я не подслушиваю! — возмутилась та, — зайти не успела просто!

Собравшиеся внутри все немедля на девиц головы поворотили.

— Весенья, деточка, проходи, — Добромир ее рукой поманил, — мы как раз о тебе говаривали. Как спалось? — вроде и вежливо вопрос прозвучал, а в глазах такие бесы пляшут, точно знает, что не одна она ночевала.

— Хорошо, спасибо, — смущения от нее ждут? Вот уж дудки!

— Славно...славно... После этакой встряски добрый сон

очень важен, — покивал старый маг, — присаживайся.

— Еще бы плохо, — едко вторила Любава. Улыбалась еще так паскудно. Но не успела продолжить, как Добромир ее перебил.

— Ох, Любавушка, не сочти за труд, вели к завтраку накрыть, — и рукой повелительно девице махнул. Та фырча на выход двинулась. Не дали ей спелтни пораспускать, да парочку в разврате изобличить.

Весенья уселась за стол, как и вчера рядом с Лесьяром. Тот, впрочем, на нее почему-то не глядел. То почудилось Весе странным. Челюсть еще так сжимает, что желваки выступили. Кажись, ничего хорошего она сейчас не услышит.

— Мы посовещались и решили, что придется отправить тебя в Благовещенскую академию, — сказал старец и губы свои тонкие поджал.

А Весея нахмурилась, припоминая, где та находится.

— Мы можем найти другие варианты, — прорычал Лесьяр.

— Чем же тебе не по нраву Благовещенск? — все не унимался Дубраш, — там ее дар оценят.

— От Топи туда своим ходом с месяц добираться, — магик шипел буквально, — и то если скорыми повозками.

— А по что ей на Топи таскаться? Ты ж ее учить теперь не будешь! — Старик упорно делал вид, что не ведает в том проблемы. Добромир вот на него глядел угрюмо, но все ж не вступался.

— Лесьяр, как бы то ни было, прав Дубраш. Мало куда принять готовы без экзамена, без протекции, да еще и в середине учебного года. Пусть даже конклав поручается, да оплату на себя берет, а все ж... — и замолчал многозначительно.

— Месяц пути? — только теперь Веся в себя пришла да уразумела, что магик ее этак свирепствует. Да, тут и ступа не поможет, почитай, лишь летом увидеться смогут за весь учебный год. Взор свой к нему поворотила отчаянный.

— Ничего, я что-нибудь придумаю, — отозвался Лесьяр с тоской во взгляде.

— Вот и порешили, — Дубраш зато рад-радехонек, — велю контракт подготовить.

Старцы с места поднялись. Дубраш тотчас из кабинета поспешил на выход. Добромир же, минуя Лесьяра, за плечо того сжал, оглядел их обоих сочувственно.

— К полудню портал откроем. Сперва на Топи, пускай вещи заберет, а после — в академию, — сказал и шаркающей своей поступью к выходу направился.

Лесьяр едва сдерживался, чтоб не зарычать, но увидав Веся лик опечаленный, тотчас из головы злобу вытряхнул.

— Ну, что приуныла, — с улыбкой уже подбородок вздернул, — Благовещенская академия хорошая, многому выучишься. Состав преподавательский там отличный, не чета мне.

— Угу, — кивнула Веся, совсем уж кручинясь. Месяц пути! Тут ни ступа, ни перекладные не помогут... Велико их

царство, да токмо сейчас гордости то не вызывало.

— Ты мне эту хандру брось! — магик взял ее за плечи, к себе разворачивая, — сказал, что придумаю что-то, значит, придумаю. А то, быть может, в академии помоложе себе кого сыщешь.

Девушка едва сама от возмущения не поперхнулась. Распрямилась мигом. Это он ее за кого принимает? От одного сразу к другому побежит?

— Вот, так уже лучше, — рассмеялся он, ладонь ей на голову водружая.

Весенья на то уж улыбкой ответила. Прав Лесьяр, нечего хандрить раньше времени. У ней впереди дорога в академию магии! В настоящую академию!

Казалось, токмо теперича до разуму девичьего то дошло.

— Выучусь и приеду с тобой топи стеречь! — заявила, хорохорясь.

— Пока ты выучишься, у меня самого уж срок подойдет, аккурат пять лет, — волосы ее снова растрепал, отчего Веся поморщилась да из рук его вывернулась, от прядей в лицо совавшихся отфыркиваясь. Зря косу не заплела только. Лесьяру лишь дай волю — сразу ее трепать начнет.

— И летом приезжать стану! Каникулы ж цельных три месяца длятся, я слыхала, — магик ей в ответ кивнул подтверждая.

Позвали к завтраку.

И вот вроде обсудили все, а на душе все ж кошки скреб-

лись.

Весья никак не переставала думать, что Лесьяр сызнова станет у девиц, на болото приходящих, кровь брать. И что один на Топях останется... А ежели что снова случится, кто ему поможет?

«Это ты-то его защищать вознамерилась?» — шепнул голос мысленный насмешливо. Да уж, это он ее извечно из передряг выручал... Даже привыкла как-то, что защитить есть кому. Да и вовсе, что рядом он.

Остаток дня в суете смешался. Как позавтракали, стали бумаги готовить, договоры всяческие. Веша, их читая, едва голову всю себе не сломала, пока Лесьяр ей на выручку не подоспел. Совместно уж все пересматривали, да подписывали. Все честно составлено оказалось, без брехни али утайки какой-нибудь. И что в академию зачисляют, и что уплату за обучение на себя конклав берет, и что стипендию, значит, ежемесячно ей выдавать станут на личные необходимости. Веша, как величину той стипендии увидала, аж крякнула. Да она за все свое добро деревенское сумму меньше выручила, а тут каждый месяц платить будут. Намеревалась уж возразить, неудобственно сделалось, за что ей такие деньжищи? Но Лесьяр ее смущенное бормотание в мгновение ока прервал.

— Дают — бери, бьют — беги. Запомни это раз и навсегда, — шептал ей у самого уха. Веська за столом сидела, а он к ней со спины склонялся, — для конклава эти деньги —

капля в море. А тебе лишними точно не будут. Коли б не ты — разбирались бы сейчас со старухой. И Благовещенск — город. Не столица, конечно, но цены там — не чета деревенским базарам. А если и не потратишь, так на будущее останется. С собой только всю сумму не таскай. Я тебе кошель дам заговоренный...

Магик старался как можно лучше подготовить ее, хотя и понимал, что за столь короткое время эту наивную девицу к городской суете не перестроишь.

Осталось надеяться, что эта доверчивая душа не попадет в неприятности.

— И пергамент дам особый, сможешь мне писать, когда захочешь, — он замялся немного, но все ж добавил, — если захочешь.

Весенья его за то взглядом прожгла.

— Как же я без учителя своего в городе среди господ управлюсь? — фыркнула в ответ.

— Ты с теми господами настороже держись. Нравы у городских иные, — не хотелось Лесьяру, чтоб обидел кто его пичужку. Сам-то хоть и часто в городах бывал, да никогда не нравилось ему в высшем свете крутиться.

— Иные? — эхом отозвалась.

— Разнузданные, — и бровями этак поиграл, явно Весе на что-то намекая.

— Ну, тебя, — отмахнулась девица, к бумагам возвращаясь. Оставалось последние подписать, да канцелярию отнести.

Магик же с ней рядом за стол сел да профиль ее мягкий разглядывал, каждую черточку в память врезая. Как успел к ней прикипеть вот так? Вроде ж поначалу раздражала даже... Явилась ведь в башню к нему, наглая такая, обликов его тeneвых не побоялась, как ни пытался застрашить. А теперь вот — студентка. Хмыкнул себе под нос. Вот как жизнь оборачивается.

Глава 3

Пока с бумагами разобрались, уж солнышко в зенит вошло. С грустью подумалось Весенье, что совсем привычным ритуалам следовать прекратила. Когда последний раз миру доброго утра желала? Бабуся ей на это точно головой бы покачала с губами поджатыми, осуждая, стало быть. Вот никогда вслух о том не говаривала, но как Веся поленится утром к лесу встать, да лучикам на востоке поклониться, так старушка осуждение всем своим видом выказывала.

“- Хочешь, чтоб мир тебе улыбался, сама ему поболее улыбок дари!” – любила говорить она.

– О чем думаешь? – позвал ее магик. Он перепроверял собранные в пачку листы, чтобы отдать их после канцеляру.

– Да вот, бабуся вспомнила, – вздохнула кручинясь.

Лесьяр покосился на нее, контракт в сторону отложил.

– Какая она была? – спросил прямо. Вот уж не ждала того Весенья.

– Бабуся-то..? – замялась сперва, а после уж улыбкой теплой расцвела, – добрая. Завсегда всем помочь была готовая, хотя вот с виду-то и не скажешь. Она любила говаривать, что коли ее за ведунью темную принимают, то пускай так и будет, что соответствовать надобно. На деревню идет – глаза углем подводила. Как кто скотину режет, требовала завсегда ей первый кусок мяса принести, иначе, говорит, порча будет,

– Веська захихикала, – а сама-то тем же вечером похлебку мне в горшочке глиняном варила. “Я им за травами хожу, запасаю? Выдаю потом, когда надобно? Вот пусть они тоже делятся!” – протянула нарочито старушечьим голосом, да так сходственно прозвучало, что Лесьяр и сам улыбнулся.

– Завсегда в платки черные рядилась, по осени у ней особенно один мне нравился, вязаный такой... помню, она его долго крючком набирала. Зимой вот вечерами у лучинки и меня пыталась вязанию выучить, но мне на одном месте тяжело было высидеть. Бабуся с того смеялась, егозой называла и сказки сказывала. И такая метель за окном выла, а у нас так тепло было в избе.

– Скучаешь по ней? – вздохнул магик. Ответ, конечно, очевиден, но казалось правильным спросить у ней об этом.

Весенья кивнула, побоялась вслух вымолвить, чтоб голос дрожащий не выказать. Вздохнула поглубже. Вот вроде и времени уже довольно прошло, а сейчас, когда очередное расставание гряло, и о том вспомнилось.

– А родители? – спросил осторожно магик. О тех Веся ни разу не говаривала. Ни разу не слыхивал от нее.

На то Весенья плечами пожала.

– А что родители? Не знала я их. Бабуся говорила, что они в город отправились, когда я маленькая была, на заработки что ли... Но так и не вернулись. Она про них не любила говорить, я со временем и перестала спрашивать. Ты лучше о себе Расскажи, – поспешила тему перевести, – я ведь до вче-

рашнего дня и фамилии твоей не знала.

– У меня все довольно скучно, – усмехнулся магик. Не стал из ней больше выуживать. Коли захочет потом – сама расскажет.

– Маменька грезила о карьере для единственного сына, – закатил глаза он, – и она, и отец – маги, так что вполне ожидаемо получили и наследника с даром. А когда обнаружили, что нити у отпрыска черные, так и вовсе гордостью наполнились. Маменька жаждала меня в царскую гвардию пропихнуть. Я по юности даже и сам тем грезил какое-то время. А потом мы в Ясноград съездили и в храме побывали. И в тот момент меня точно озарило... Там потолок знаешь, как высоко? Колонны белоснежные, простор, свет. Тогда еще праздник был летнего солнцестояния, торжественно встречали и силу солнца земле отдавали. И так красиво это было. Представь только, сотня магов на городской площади волшебную творят, силу разноцветную в тугие жгуты перевязывают и в землю отдают. И люди им благодарны за то сверх меры. Вот тогда-то я и понял, что хочу сам среди этаких магов оказаться. Весь этот высший свет и знать царскую... никогда я к ним не стремился. Магия – суть. Вот ей я и хотел заниматься.

Прежде еще Весенья не видела на лице магика столь мечтательного выражения. Вот теперь-то запросто представился он посреди светлого храма магии. Конечно, памятуя о скалистой улыбке его, с зубами треугольными, картинка малость искажалась, но все ж теперь Вешка больше представления

имела, кем он прежде был.

Хотелось еще его порасспрашивать. Про болота-то много рассказывал теми вечерами, что они вместе в башне проводили. А вот про жизнь свою до той поры - ничего.

Но точно специально то подгадав, снова Любава на пороге кабинета возникла. Вот ведь заноза какая! Это она на Лесьяра глаз положила что ли? Вон, как смотрит! Ну, облизнись еще!

– К обеду собирают, – сообщила обоим, а гладит-то как свысока.

– Сейчас спустимся, – отозвался магик, а сам сидит. Ну, и Веся сидит. А эта смотрит.

И такая ревность на Вешу накинута, что сама Лесьяра за руку потянулась взять. Тот лишь бровью повел, удивленный порыву девичьему, но тотчас пальцы с ее переплел. Кажется, Лесьяр и не замечал переглядов Веси и Любавы. Одна глядела нос задравши, другая морщилась.

Топот каблучков означеновал уход девицы настырной. Вешка аж выдохнула. И что так раздражает-то?

– Лесьяр...

– Чего?

– А вот... на болотах когда... – мнется, не знает, с каких слов подступиться.

– Говори уж, – сам пальчики ее сжал чутка, в глаза смущенные заглядывая.

Вздохнула.

– Правду говаривают, что ты девиц одну за другой в башню таскаешь? А как я уеду, снова примешься? – вот ведь дуреха ревнивая. Но лучше уж прямо спросит, чем изводиться потом станет.

Уж обе брови Лесьяровы вверх по лбу поползли. Но только тем удивление вопросу и выказал. Сам же ухмылку растянул, а взгляд то какой сделался хитрющий.

– Ну, мне же откуда-то надобно кровушку брать для поддержания плетения. Башню-то восстановят, защиту камня тоже, а без кровушки дальше никак.

Скусилась Веся. Значит, снова будет девок кусать за белые шейки.

– Говорят, даже песню придумали про Господина Мертвой Топи и Настасью, что в него влюбилась и по доброй воле к нему явилась да под клыки оскаленные подставилась с радостью, – а сам уж снова глазами разгорелся, да зубами своими жуткими лыбится, – как думаешь, правду поют?

Веся от него едва не шарахнулась. И вот не стыдно гаду?

Пальцы из ладони его вытянула махом.

– Слыхивала я ту песню, – фыркнула нарочито равнодушно, – он ее и сожрал потом.

– А я другую концовку знаю, возлюбил... Прямо там, на болотных кочках.

Вот тут уж Весенья сдержаться не в силах оказалась. Равнодушие наигранное тотчас с лица слетело, щеки алым полыхнули, а в глазах такая ярость высветилась, что Лесьяр и

сам боле не сумел представление сие разыгрывать.

Рассмеялся в голос. Поднялся, руками по обе стороны от ней, в спинку стула упершись.

– Крови можно и без укусов собрать, пичужка, – совсем близко к лицу ее подступив вымолвил, – а вот ревность твоя мне по вкусу.

И снова лыбится.

– Ну, тебя! – в плечи его толкнула, да токмо все равно, что гору двигать – даже не качнулся.

Напротив, вперед подался, губы ее обжег легким поцелуем. Ощутилось-то едва-едва. Весенья пальчиками до рта докоснулась, точно проверяя, не почудилось ли.

– В башне, покамест я там служу, только твоим ножкам топать дозволено. Так что не придумывай лишнего, – еще и по носу ее щелкнул, растерянную. Выпрямился, руку протянул, – к обеду уж звали.

Отобедав, ждать боле не стали, засобирались на Топи.

Переход открывали трое магов, коих Веся прежде не видела. С потанятами рядышком стоя, прям рты разинув за работой наблюдали. Плетение, каковое они втроем образовывали, эдаким сложным оказалось! С мельчайшими узелками в самых неожиданных местах. Паутиной оно расходилось из центра и кругами все закручивалось и накручивалось, точно не заклятие плели, а пауки какие мушек ловить собирались. Дохнули силой одновременно, напивывая, и в тот же миг за-

дрожало рябящим маревом, чтобы после растечься, уплотниться и вовсе воздух разрезать. Показался в дыре явившейся черный камень башни. Пространство тотчас звуками наполнилось – маги башню наново воздвигали.

– Точно в дверьходишь, – под нос себе удивлялась Весенья. Такая магия ее поражала сверх всякой меры. Какой же нужно силой обладать, каким мастерством, чтобы вот так за просто разрезать пространство и схлопнуть то в единой точке. Шажок – и вот они уже не в тереме Добромира, а на Топях.

Добромир, к слову, тоже с ними отправился.

– Доброго дня, господа, – едва закрылся переход, приблизился к ним мужчина в простых штанах да в рубахе. Волосы русые лентой перехвачены и на затылке собраны, – сударыня, – вот и Весенье кивнул с улыбкой вежливой.

– Как продвигаются работы? – спросил старец и вместе с магом этим в обход башни двинулся, Вешку с Лесьяром оставляя.

– Пойдем, подсоблю собраться, – Лесьяра поманил за собой рукой.

Веська грустным взглядом бедлам вокруг башни творящийся обвела... Камни из завала-то разгребли, да теперича зияла стена дырой, хоть прямо через нее и входи.

С магом на пару поднялись по ступеням каменным... Дверь уж починили, а то прежде на одной петле болталась, после тех сотрясаний. Магик на себя оную потянул, скрип-

нуло жалобно, точно сетовала башня на этакое злоключение. Веша не стерпела, всхлипнула... Уж сколько сил она приложила, чтоб в этом месте порядок поселить. И саму башню жалко так стало. Вспомнилось тут же, как она ей с первого же дня спальенку сотворила, а после и ковры под ноги стелила, и камин горячий в стене разверзла, и ванную комнатку такую славную выткала. Как ни крути, живая та башня была, а теперь, с эдакой раной, кое-как силой дышала.

Весенья ладошкой по камню зала прочертила.

– Прости нас, родная, не сберегли тебя, – всхлипнула сызнова. Башня в аккурат вздохом горестным откликнулась. Весенья была готова об заклад побиться, что почуяла, как та восстала и осела опосля.

– Починят, не переживай, – приободрил ее магик, и сам к башне обратился, – не делай ты трагедию, каменюка! Зато фундамент переберут, камни новые возложат, от плесени как следует вычистят, еще краше будешь!

А сам посмеивается. Он-то ведал, каким образом все устроено, и что башня – просто башня, а в ней уж сущность заточенная, убранством местным заведует. И ни чуточки той не больно от зияющих в стенах прорех. Ни горячо, ни холодно, как говорится.

Отправились вдвоем в спальенку Вешкину, потанята вот покамест на кухню поспешили с видом хозяйственным. Стало быть, что-то у них там припрятано было.

Весенья огляделась... Верно, пока башню волнами силы

омывало да сотрясало, и здесь все на пол послетало. Даже стулья опрокинуты оказались.

Магик на пороге остался, к косяку дверному плечом привалившись. Понимал, что надобно девице время дать, чтобы попрощаться с местом сим сумела. Весенья ж тем временем блуждающим и пустым каким-то взором комнату оглядывала. Только привыкнуть успела, и все так нравилось ей в месте этом - и кровать мягкая, да с одеялом тяжелым, ковер мягонький под ногами, мебель резная, стулья с гнутыми ножками. А окно! Окно какое огромное, что в него точно в дверь выйти было можно. Занавесями летящими забраное... Теперича нескоро сюда вернется. Почитай к лету.

Поворотилась к магику. Тот глядел участливо, а взор поймав, улыбнулся ободряюще.

И она улыбкой ответила.

Что кручиниться, в самом деле? Впереди е ней новых приключений сколько, а возможностей и того боле!

– Ты собирайся, а я сейчас кое-что сыщу и ворочусь, – вымолвил, на пятках развернулся и к лестнице наверх направился.

Весья покамест принялась одежду со шкафа вытаскивать да складывать.

Лесьяр же тем временем поднялся на второй этаж. Здесь, через свою спальню пройдя, прямиком в сокровищницу направился. Помнится, валялась у него пара преинтересных штучек. Не конклавские цацки, а из тех еще, что он с собой

привез, из прежней жизни. Пришлось, конечно, порыться, но к Весе вернулся уже с дарами.

– Погляди, – позвал ее, в комнату воротившись. Сам в руках держал пару свитков да небольшой потертый кошель.

Девушка на него взгляд подняла выжидающий.

– Вот это, – он сдул с лица вредные седые прядки, что аккуратно в рот пытались залезть, – пергамент двусторонней связи.

К столу подошел, кошель покамест в сторону отложил, а пергамент перед собой растянул. В свертке два листа оказались.

– Чернила или графит есть у тебя? – бросил Весе через плечо. Та в ящик столика слезала и грифель магию протянула. Тот на одном из листов принялся имя ее выписывать – “Весенья”. И с завитушками всяческими, этак необычно. Но что больше девушку поразило, так что на втором листе то же самое появляться начало, хотя Лесьяр его и не трогал.

– Ежели чего на одном листе накарывать, то сразу и на другом появится. А чтобы исчезло – лист переворачиваешь и сама пишешь, тогда прошлая запись пропадет, – он продемонстрировал наглядно, – и расстояние не важно.

– Значит, я в любой миг тебе написать смогу и ты мне тоже? – обрадовалась Веша, – и даже вестника ждать не надобно!

Магик кивнул, глядя в лицо ее восторженное. Хорошо, что вспомнил.

– А это, – он протянул ей кошель, – тоже вещица не простая. Если кто умыкнет или потеряешь, вот это, – он втянул изнутри тонкую цепочку браслета, – приведет к пропаже.

– Здорово как! – отозвалась восторженно. Никогда у ней прежде таких чудесностей не водилось. Монетки, как правило, в кошелечке под платьем держала.

– Тебе пригодится, – сам застегнул браслет на тонком ее запястье. Пальцем по коже бархатистой провел отчего девица вновь жаркую волну вдоль позвонков ощутила. Но отпустил почти сразу, лишь эхо тепла его пальцев на коже сохранилось.
А Весенья задумалась. Он ей вон какие подарки сделал, а она что? Взглядом комнату обвела, размышляя, что ж такого могла бы ему вручить, но что-то в голову ничего не приходило. Из дома родного почти ничего не взяла, а что имелось – магию незачем. Не платье женское же ему оставлять в конце концов? Хотя, памятуя о скабрзных шуточках магов, возможно, что от исподнего ее он бы отказываться не стал. Даже головой пришлось потряхнуть чутка, чтоб мысли эти из головы вытрясти.

– А мне тебе и оставить нечего, – вздохнула горестно.

– Мне и не надобно ничего, – волосинки ей со лба назад отбросил. И что они оба нынче такие кудлатые?

Весенья за пальцами его проследила и тотчас же ликом просветлела.

– А нет! Знаю! – из шкафа шкатулочку махонькую выудила. В ней ножнички да ниточки с иголочками хранились вся-

ческие. Красной нитью прядь волос своих перевязала, и ножницами ее отчикнула.

Лесьяр и рта раскрыть не успел, а она уж ему прядь свою, отрезанную да ниткой перевязанную, протягивает.

- Пусть хоть какая частичка моя с тобой останется, – проговорила неловко, самого порыва своего смутившись, – бабуся рассказывала, что в прежние времена так привязанность выказывали.

Лесьяр с улыбкою ласковой локон в ладони сжал.

- Привязанность значит? – переспросил ехидно. Воська токмо очи долу потупила.

- У тебя есть, куда вещи-то сложить? – припомнил магик, что к нему Весенья припожаловала с одной только торбой.

Пришлось девице и сундук выделить под вещи. А после, пока сложили все, пока Мрака сыскали, чтобы Веша попрощаться смогла, пока перекусили, чем было, уж и вечер наступил.

- Ну, что, собралась, девочка? – Добромир на пороге кухне объявился, когда за окном уж сумерки заиграли. И ведь никого в башне до той поры неслышно было. Даже потанята куда-то запропастились.

Весенья с Лесьяром в тот миг за столом сидели, друг против друга, взвар допивали. Но токмо маг вошел, девица поднялась с места. Кивнула на вопрос его, сама ж взгляд испуганный к Лесьяру поворотила. Время пришло, стало быть...

Глава 4

– Может, взвару хотите? – Веся с места поднялась, уже к чайничку потянулась, но Добромир головой покачал.

– Нет, уж темнеть начинается, пора, – и губы поджал, наблюдая, как девица на магика с тоской поглядывает. Тот, впрочем, тоже не шибко веселым казался.

Лесьяр в свое время писал ему коротко, что ученицу себе взял, но лишь увидав их вместе, понял Добромир, что бывший его воспитанник на девицу эту неровно дышит.

Поднялись из-за стола одновременно, табуретом скрежетнуло по полу пренеприятно.

– А потанята? – закрутила головой Весенья.

– На улице подручные твои, – хмыкнул старик, – эка невидаль. Еще и не выучилась, а уже подручных себе сыскала.

– Так это не я... – хотела было объяснить, но Лесьяр ее прервал.

– Не говори никому, что по незнанию их к себе привязала – засмеют... – шепнул той на ухо, когда, телогрейки накинув, из кухни выходили.

Во дела... да что ж такого-то? Нельзя что ль ошибиться по неопытности?

Добромир уж переход выплел, перед крыльцом стоя. Да так споро, что подивилась Веша, каким таким образом он в одиночку то делать способен. Вон днем целых три мага,

имевшие черные нити, заклятие плели. И то все испаринами на лбах блестели. А старик этот, казалось, дунешь - упадет, а вон силой магической какой обладает!

И нити-то светлые какие... Лишь выйдя уже на улицу, поняла Весенья, что те золотом отливают. Знать, сильнейший маг пред ними стоял.

Лесьяр на вытянувшееся Весино лицо тихо посмеивался. То-то ее в академии еще будет, вот где ученица его извечно с такой моськой ходить станет. Помнил он свои годы учебы, весело было, интересно. К магии Лесьяр всегда тяготел, любил играть с кружевом нитей. Под ловкими его пальцами оно быстро в заклятия складывалось и силы, чтобы напитать, более, чем хватало.

– Прощайтесь, – бросил старик через плечо, от плетения своего взгляда не отводя.

Веська тотчас плечами поникла, к Лесьяру повернулась.

– Я писать буду каждый вечер, – забормотала неразборчиво, да рукава платья в пальцах сминая. Перед глазами туман встал, а в груди и вовсе закололо. Не умела она прощаться.

Но магик не стал слушать ее срывающийся на сип голос. За плечи притянул к себе, в объятиях сжимая.

– Знаешь, когда я тебя первый раз тогда увидел, даже подумать не мог, как дорога мне станешь. Ты меня точно ото сна пробудила. Возвращайся как сможешь. Пока я Хозяин Топи, здесь тебя всегда будет ждать открытая дверь. В тебе мой дом, Весенья. Я только теперь это понял.

Весь на него глаза свои широко распахнутые подняла, следами в них стоящими поблескивая. Столько чувств в оных плескалось в сей миг. Столько тепла, нежности и вместе с тем тоски... Горло сдавило, что ничего вымолвить в ответ не сумела. Да и с чего начать, когда столько всего в голове крутится?

А Лесьяру то и не надобно было. К чему слова, когда он и ее так читал, точно раскрытую книгу.

В кончик носа курносого поцеловал невесомо, по волосам потрепал, как только он то делать умел, да к portalу развернул.

– Учись как следует. Ежели мне на тебя пожалуются – точно выпорю... – и в портал, уже открывшийся, подтолкнул ее, вслед за Добромиром.

А Веська в тот зашла с улыбкой. Вот ведь паскудник. Даже в такой момент скабрезные свои идеи озвучивает.

Потанята следом шмыгнули. Взмыл в воздух и сундук с вещами.

Добромир остановился чуть в стороне, ожидая, пока Весенья перейдет разрыв. Девица оный миновав обернулась порывисто.

– Не вздумай в башню девиц таскать, пока меня нет! – крикнула напоследок. Башня позади Лесьяра дверью хлопнула, точно поддерживая и обещаясь проследить.

Магик улыбнулся ей, головой покачивая.

– Удачи, пичужка, – отозвался, а в следующий миг заты-

нулся разрыв портала...

Хотела ведь сказать напоследок, что любит. Но слова те столь непростыми были, никак не вышло их из себя выпустить, тем более при лишнях слушателях.

Ну да что теперь.

Обернулась к провожатому своему. Старик тактично в стороне ожидал, покамест девица в себя придет, да готова будет дале двигаться.

– Ох, молодость, – вздохнул с улыбкой, – пойдем девочка.

Рукой ее подманил за собой следовать. Теперь лишь Весе́нья огляделась.

Они стояли посреди небольшой лесной полянки. Здесь, под утопающими в сумерках небесами, на подстилке опавших листьев лежал тонкий слой мокрого, почти талого, снега. Деревья, еще не до конца сбросившие листву, вились вокруг этого места мощными кривыми стволами. Сыро ощущалось, холодом окутывало.

А посреди поляны, аккурат в центре, высился гладкий вытянутый камень. Девица еще пуще поежилась. Валуны такие теперь у ней никаких приятных ассоциаций не вызывали. Благо, что здесь не малахит обнаружился, как в подземелье башни...

На этом, правда, тоже письма́на имелись.

– Налево пойдешь – страх потеряешь. Направо пойдешь – аппетит нагуляешь. А прямо пойдешь – ничего не узнаешь, – прочитала надпись, задумчиво.

Потанята уж тут как тут под ногами крутились.

– Какие порядки у них тут интересные, – захихикал Зарька с другом переглядываясь.

– Не обращайтесь внимания, – махнул на то Добромир, – на эту поляну всех новичков перемещают, а старшекурсники этот камень поставили, смеху ради. Уж как его директор академии ни пытался убрать – все на место возвращается. Магией сильной напитали.

Старик поманил за собой сундук. Тот в воздух взмыл и послушно за ним двинулся. Веся примеру последовала, потанята следом.

За камнем и правда три тропинки обнаружилось. Расходились они в разные стороны, Добромир по средней повел.

– Ничего не узнаем, значит, – глумливо съехидничали чертята. Веся на них шикнула шутливо, но парочка шалопаистая уже по тропке вперед поспешила, мага обгоняя.

Ковер листьев под ногами и изморосью похрустывал и сыростью чавкал.

Идти пришлось недолго, уж завиднелся свет среди деревьев, а еще через несколько шагов деревья расступились, вышли они к стене, почти крепостной. Бревна огромные, сверху заточенные, чудным частоколом возвышались. Тропка вела аккуратно к воротам этого забора исполинского, а за ним высились башенки огромного терема. Такого, что Весенья и в жизни не видывала.

– Отворяйте! – гаркнул Добромир, отчего трое его под-

опечных разом и подскочили.

Заскрипели могучие петли, раздвигая створки ворот в три человеческих роста. И стало почему-то Веше интересно, прячутся ли за этими стенами от чего извне, али наоборот... Чтоб никто наружу не выбрался...

– Держитесь рядом, – вымолвила тихо потанятам. Те настроением хозяйюшкиным прониклись, веселости малость поубавили. Так и прошли через ворота. Вся впереди, а чертята, за подол ее четырехпалыми ручками цепляясь, следом.

И тут уж все остановились, рты разинув... Академия Благовещенска, казалось, не меньше была, чем та деревня, где Вся прежде жила. А может, еще и поболее!

Она гордо вздымалась, аки гигант, али Чудо-Юдо какое, поражая величием. Стены бревенчатые украшали узоры и позолота, точно сама сказка кистью своей разрисовывала. Изящной резьбы деревянные балясины особенно выделялись. Здесь и там — коньки красные выступали, а на них - фонарики со светляками ярчайшими. Терем весь был точно собран из множества башен и башенок, балконов и балкончиков, переходов и этажей. И, с одной стороны, казалось все это полным хаоса, но стоило взглянуться, как ясно становилось — все в строгой симметрии выдержано. Помимо ж основного здания, которое, казалось, целый город в себя вместить способно, здесь и другие постройки имелись, поменьше, пониже, да попроще. Слышалось и ржание лошадиное, и квохтанье курочек, да и еще, боги ведают, чьи голоса. Люд-

ские вот тоже до ушей доносились – из окон терема раскрытых и из домиков поменьше.

Едва внутри оказались, Добромир сундук от заклęcia освободил. Тот мягко опустился на землю вытоптанную да выметенную до чистой гладкости.

– Доброй ночи, Добромир Вечезарович, – по ступеням терема спускалась к ним пожилая дама. Стоило, однако, признать, что, несмотря на седые локоны в строгой прическе, лицо морщинами испещренное, сохраняла она своеобразную статью. Осанка идеально прямая, плечи назад отведенные, чеканистый размеренный шаг, все это добавляло ей особого. Стянутая в строгое черное платье с воротником плотно облегающем шею мелкими рюшами, она смотрела на прибывших через лорнет. Цепкий взгляд живых глаз смерил Весенью с головы до пят. Не остались без внимания и потанята. Последние вызвали странный хмык со стороны женщины, но вслух о подопечных Весеньи она так ничего и не озвучила.

– Мы ждали вас несколько раньше, – задрав голову, ровным тоном произнесла она.

Старик странно замялся, пальцы вот на груди в замок сцепил и большими друг по другу перебирать принялся. Взгляд при этом этакий суетливый сделался.

“Он что же, засмущался?” – вдруг поняла Весенья, переводя взгляд с мага на даму и обратно. По всему выходило, что да. Осознав сие, Веська поспешила взор отвести. Точно стала случайным свидетелем чьего-то личного.

– Так вышло, Ведана Людимировна, не сердчайте. И девочка тут вовсе ни при чем. Это я в башне с рабочими задержался, – принялся объясняться, – подойди, Весенья, – позвал ее, – познакомься, это твоя классная дама, наставница, ежели простым словом, Ведана Людимировна. Ведана Людимировна, это Весенья Моесиловна, стало быть, из деревни Большие Липки.

– Здравствуйте, – кивнула уважительно Веша, с опаскою на женщину глядя. Как знать, какова она. Вид-то имела весьма устрашающий.

– И вам не хворать, – все тем же ровным тоном произнесла дама, – а это, стало быть..? – и на потанят лорнетом указала.

– Подручные мои, Зарька и Славка. Потаньки они, – вывела их из-за спины представляя, и добавила поспешно, – я за них ручаюсь. Они хоть и из нечистиков, а ведут себя справно.

– Зарька и Славка? – и вопросительно этак прозвучало, точно Веша что-то не то сморозила. Дама переглянулась с магом, тот хмыкнул и головой покачал. – А кто имена им дал, позвольте узнать?

– Так, я сама... – вымолвила сглатывая. Потанята сызнова к ногам ее прижались.

– Сама значит... – и снова глядит этак внимательно, точно в голову забраться ей хочет. Веся только потанят к себе прижала потеснее. – Что ж. следуйте за мной.

– Я с вами попрощаюсь на том, Ведана Людимировна, де-

ла конклава, сами понимаете, – проговорил старик да губы поджал. Дама на то кивнула этак позволительно, мол “ступайте”.

– В таком случае, всего доброго, Добромир Вечезарович.

Сама ж пальцами щелкнула, этак ладошкой махнула и сундук с Воськиными вещами взмыл в воздух да устремился в сторону терема, все выше и выше. Покамест не скрылся среди башенок.

– Ваши вещи будут ждать в комнате, – пояснила дама, наблюдая недоумение на лице девицы, – скоро отбой, а вас еще надобно накормить ужином, пойдемте.

Непривычно было, что к ней, стало быть, на “вы” обращаются. Среди простого люда не принято то было. Даже к царю могли по-обычному обратиться и ничего в том не находилось. А вот среди знати такое в обыкновении водилось. Выкать, значит. Ну. что ж, Веша все ж понимала, что со своим уставом в чужой монастырь не лезут. В терем вот тоже не стоило. Посему раз в этом месте так заведено, придется подстраиваться.

– Спасибо, – кивнула вежливо.

Следом за дамой поднялась по ступенькам терема, все продолжая разглядывать убранство его необыкновенное.

Двустворчатые двери оказались не меньше ворот, но они зашли через обычную дверь, которая прямо в одной из створок была установлена. Видать, когда много народу надобно выпустить – открывали на всю. А ежели вот как сейчас – так

в том нужды не было.

– Вам что-то уже рассказывали про нашу академию? – поинтересовалась Ведана.

– Боюсь, что нет.

Внутри очутившись, Веся голову высоко задрала, едва в балясину не вlepившись притом. Свод терялся где-то высоко наверху, среди хитросплетения лестниц и переходов. Множество свечей плавилось прямо на дереве перил и выступах стен. Летали светляки, наполняя мягким светом пространство вокруг. Здесь было просторно, но вместе с тем как-то довольно уютно. Под ногами растягивались ковровые дорожки, на стенах – гобелены да картины всяческие. Здесь и там кушеточки для отдыха.

– Обучение в Благовещенской академии длится пять лет, как и во многих других учреждениях подобного типа, – принялась рассказывать женщина, – первый курс, на который вы зачислены – общеобразовательный без распределения по уровню дара. Далее каждый год группа разделяется и расходуется на разные потоки. Мне сказали, что цвет ваших нитей синий?

– Верно.

– В таком случае вы будете продолжать обучение с черными и золотыми магами до самого выпуска. Синий цвет не отделяют от этих двух, хотя он, объективно, слабее. Но это вы узнаете и на уроках.

Они не пошли вверх по ступеням, как того ожидала Веша,

а свернули направо, в один из переходов.

– В учебные дни, с понедельника по пятницу, первый звонок будит к подъему ровно в семь тридцать. Второй звонок в восемь – приглашение к завтраку. В девять ноль-ноль вы должны быть на своем месте в классной комнате готовой к уроку. Ежедневно у вас будет пять уроков, после этого обед и перерыв, в четыре часа вечера – физическая подготовка. Она обязательна для всех, даже если вы барышня, – женщина смерила Вешу очередным пристальным взглядом, но, похоже, барышню в ней не разглядела.

– С шести до десяти вечера у вас свободное время. Вы можете проводить его на свое усмотрение, но учитывая, что вы пропустили несколько месяцев обучения, рекомендую проводить их в библиотеке или на дополнительных занятиях с учителями.

– Учителя готовы заниматься вне уроков? – подивилась Веша.

– Вам пойдут навстречу. Когда определитесь с той программой, которую захотите изучить во внеурочное время – обратитесь ко мне, а я уже смогу обсудить это с учителями.

– Спасибо... – в очередной раз протянула удивленно. Весенья-то думала, что ее здесь и шпынять могут начать почем зря, а покамест все совсем неплохо выходило...

– Это моя работа, – отозвалась дама холодно, – я назначена вашим ментором на первый курс.

– Ментором? – переспросила Веша. Она и слова-то такого

не слыхивала ране.

— Именно, — кивнула та в ответ, явно не намереваясь объяснять. Ну что ж, вот и первое, что надобно найти в библиотеке.

— Столовая, — они вышли в просторный зал. Здесь стояли два длинных стола вдоль стен, с деревянными скамьями по обе стороны. Но помимо них имелись и столики поменьше, круглые, на пять-шесть человек, — обед ровно в два часа дня. Ужин в семь. Также в свободном доступе чай и фрукты, — она указала на столик в дальнем углу, где стоял самовар, ряд кружек на подносе вверх донышками и ваза с яблоками, — проносить еду в комнату запрещено. Отбой в десять часов. После этого времени вы не должны покидать своего этажа.

— Поняла...

— Что касается ваших подручных, — хвостики потанят так и задергались, — им выделяют отдельное жилье на вашем этаже, поскольку вы будете проживать с соседкой. Полноценных комнат, к сожалению, не предусмотрено, но мы сможем кое-что предложить. Обычно у первокурсников не бывает подручных или фамильяров. Поэтому этажи первого курса не предназначены для проживания с ними. Большая часть наших учеников имеют зеленые и желтые нити и добровольно заканчивают обучение после первого курса. На таком уровне силы невозможно приручить фамильяра, поэтому отдельные комнаты для проживания с ними предоставляются только на втором курсе и далее.

– Хорошо... – кивнула Весенья. А после к чертятам обратилась, – не переживайте, на одном этаже будем, все хорошо.

Те уж больно испуганными сделались, когда Ведана про них заговорила.

– Проходите к столу, я распоряжусь, чтобы вам накрыли, – она указала ладонью на ближайший столик.

Отказываться Весенья не стала.

Глава 5

Уселись с потаньятами за стол. Лавка деревянная, гладкая, столешня тоже дочиста выскоблена, салфеточки вот стоят свернутые да в стаканчик сложенные.

Весенья ручки сложила на коленях, памятуя, что в благопристойном обществе на стол оные водружать не есть достойным считается.

Потаньята рядом примостились, на хозяйшку поглядывая. Ручки точно так же уложили на коленочки ладошками, хвостики по струнке вытянули и сидят, перед собой прямо глядя. А пяточки курносые от запахов всяческих эдак и подрагивали нетерпеливо. Вот вроде и перекусили в башне, а от нервов Веська и сама в этот миг шибко голодной себя чувствовала.

И пахло в этом месте славно. Теплым тестом, кашей гречневой и травами, каковые обычно во взвар закладывают.

– Сюда, пожалуйста, – прозвучал голос Веданы Людимириновны. Веся на оный поворотилась и тут уж, не сдержавшись, рот разинула. За дамой из проема, что на кухню вел, судя по шуму и запахам, возникли кудлатые существа. Росту в них было едва ль Веше по колено, ряженные в кипенные сорочки с вышиванкой, подпоясанные, в маленьких кумачовых лаптях, они тащили знатный поднос. Взгромоздив оный на стол перед юной ведуньей и ее подручными, человечки приня-

лись переставлять яства.

– Вы ведаете, кто это? – благо те стояли по супротивную сторону стола и не слышали, как удивленная девица у своих подручных допытывает. К тому же, среди копны волос, не то что уши не выглядывали, там и лиц-то не находилось. Как только сами они не спотыкались, да вообще видали, куда ступают.

– Так, поварята, – ответил Славка столь же тихо, – тоже нечистики, как мы. Такие завсегда на кухнях больших оши-ваются и хозяйюшкам с готовкой подсобляют. Хотя, коли обидеть их, могут и мешать наоборот, пересолить там чего, али в пирог перцу сыпануть.

Ведана внимательно проследила, чтобы все кушанья оказались на столе, сухо кивнула помощникам, и те поспешили воротиться в кухню. При том этак семеня презабавно, что Веше пришлось рот ладошкой прикрыть, дабы улыбку не выдать. Ешь потом соленое, коли те обидятся.

– Ужинайте, не стану вас смущать, – коротко проговорила тем временем ментор. Весенья ж, обзрев все пред ней на столе предоставленное, едва ль не присвистнула. Как минимум с десятков разных тарелок и тарелочек пред ней предстало.

– А вы... – девица на миг осеклась, но все ж улыбнулась смущенно на обращенный на нее взгляд, – вы не хотите присоединиться?

Принесли и жаркое, и овощи парные, сыры, ветчину, хлеб

вот свежий и целый чайник взвара.

Женщина даже глаза малость округлила. Наверное, не ожидала подобного вовсе. Сама, точно не понимая, о чем ее новая ученица молвит, стол оглядела, потанят... И выражение лица у ней при том было, ну вовсе не дружелюбное. Весь-ке сразу припомнилось, как одна из бабусиных подружниц в коровью лепеху лаптей встала. Лаптю выбросить в итоге решила - ничем не вывести разводы было.

– Извините, наверное, я что-то не то сказала... -- хабормотала стушевавшись, -- просто нам всего этого многовато будет, а ведь, наверное, выбросят, коли мы не съедим... – попыталась оправдаться.

– То есть вы решили использовать меня, чтобы не выкидывали излишки? – переспросила Ведана Людимировна тоном высокомерным. Всея тотчас вспыхнула.

– Нет-нет, что вы! Я не то хотела сказать... – вот и прикопала ты себя, Весеньюшка. И дня не прошло. Уж лучше б язык свой при себе держала.

Но следующим шагом Ведана Людимировна девицу и окончательно из колеи выбила. Она присела за стол, потянулась к чашечкам, деловито расставила каждому по одной и принялась разливать взвар. Чашек поставила четыре.

Всея осторожно взор подняла, улыбаясь неловко. И еще пуще удивилась, когда заприметила мелькнувшую в глазах магини смешинку. Кажется, и морщинки вокруг них чуть глубже залегли, обрисовывая едва заметную улыбку.

Быть может, не все так уж плохо?

– Не все преподаватели в академии будут настроены к вам лояльно, – они уже разделили блюда по глиняным тарелкам. Весенья и потанята с аппетитом уминали горячее жаркое, а Ведана Людимировна попивала взвар со сдобным пирожком, – но не воспринимайте это на свой личный счет. Годы в академии разбаловали многих из нас. Главное прилежно учитесь, выполняйте задания и не нарушайте устав. Вам выдадут оный вместе с остальной литературой в библиотеке. Советую внимательно ознакомиться, -- и глянула эта строго, что захотелось тотчас за этим уставом мчаться и наизуст заучивать.

– Ко мне можете обращаться по любым вопросам. Администрация академии настаивает, что я должна решать вопросы учеников в любое время дня и ночи, но я бы попросила не беспокоить меня после семи вечера и до начала учебных занятий.

Веська поспешно закивала под внимательным взглядом.

– В комнате вы найдете свое расписание, а ваша соседка подскажет, где отыскать ту или иную аудиторию. И еще кое-что... – она замолчала, смиряя всех троих внимательным взглядом. Веська так и замерла, не дожидаясь, – лучше не упоминайте, что конклав спонсирует ваше обучение. Как и о господине Раце.

Веська призадумалась... наверное, так и правда будет лучше. Многие годами копили на учебу или собирали плату всей

деревней. Конечно, знать не в счет, для тех сумма за обучения не казалась столь колоссальной. Да только и среди обычных людей встречалось довольно магов. Коли кто признает, что ей платить не пришлось, точно завистники найдутся. И уж неважно станет, каким образом она так конклаву угодить сумела. А вот почему про Лесьяра говорить нельзя? Ну побывала она у него ученицей... хотя, люд нынешний, чего только не выдумывает. Лишь волю дай.

– Не стану, – кивнула запоздало, когда взгляд ведуньи ее уж насквозь прожег.

– Хорошо, что мы поняли друг друга, -- отозвалась та, скрывая лицо за гранью чашки.

Закончив с поздним ужином, они вернулись к большой лестнице. И на этот раз принялись по ней подниматься.

– Общежитие первокурсников на третьем этаже. На четвертом проживает второй курс и далее по старшинству. На чужие этажи ходить не поощряется. У каждого курса есть свои покои для отдыха и других деятельности с вободное время.

Веська только и успевала, что кивать, впитывая в себя поток информации и едва находила время разглядывать окружающее убранство. А поглядеть-то находилось на что. Хитросплетение лестниц выводило на площадки этажей, уходящие во мрак проходами коридоров. Куда ни глянь арки резные завитушками росписи украшенные - синие, черные, алые. Своды где-то высокие, где-то пониже, что едва головй

не зацепляешься. Все в таком хаосе разбросано, что немедленно захотелось Воське заполучить в свое пользование настоящую карту места сего.

От провожатой Восья узнала, что все эти переходы и коридоры ведут во всевозможные концы терема - к классным комнатам, в подземелья и другие помещения для различных ученических дисциплин. Когда добрались до третьего этажа, Воська и вовсе готова была уже язык на плечо повесить. Потанята не лучше - запыхались почему зря. Вроде только на третий этаж взобрались, а словно полмира пешком обошли. Внутри терем еще больше оказался, чем Восье-то снаружи почудилось.

- Общежитие первого курса, - указала Ведана Людмировна на широкий проход слева от лестничной площадки, где они очутились. Пройдя через арку, Воська узрела зал просторный, весь в столиках да диванчиках мягоньких. Светляки под стеклянными колпаками давали мягкий и теплый свет, атмосфера выходила приятная, уютная. Сейчас здесь было пусто, но такой живости добавляли где-то забытая книжка, где-то палток на спинку дивана накинутый... Весенья тотчас вообразила, как могла бы здесь учебой заниматься.
"Не "могла бы", а буду!" -- теперича лишь стало до разуму девичьего добредаться, где она оказалась и для чего. Странное чувство, чуть пьянящее и с толку сбивающее...
От зала сего, точно лучики от солнышка, расходились коридоры. Вместе с проводницей отправились они к са-

мому правому. Тот оказался не слишком длинным, видать, не шибко много соседей. В этом месте уже, постучав в третью дверь, остановились.

Отворилось споро. На пороге встретила их девчушка лет пятнадцати с виду. Волосы черные в две тугие косицы стянуты, да так, что едва ль не из-за них глаза карие чуть раскосыми смотрелись. Взгляд этакий живой, плутоватый, нос курносый, а кожа белая, точно фарфор. Хорошенькая, точно куколка. И маленькая такая, точно на голову ниже Веси.

– Доброй ночи, Костяника. Познакомься, это – Весенья, твоя новоиспечённая соседка.

Взглядами вымерялись недолго. Спервоначала у одной на лице улыбка растянулась, а после и у другой.

– А это? – без церемониалов ткнула девчушка пальцем в сторону потанят.

– Подручные мои, – отозвалась Веся, отчего у Костяники глаза ну точно на лоб полезли. Еще чутка -- из глазниц вываливаться смогут.

– Ты ведь первокурсница! -- воскликнула пораженно.

Веська знать не знала, как на то реагировать, посему лишь плечами пожала.

– Час уже поздний, – поторопила Ведана Людимировна, – успеете еще поболтать. Сейчас лучше подготовиться к завтрашнему дню. Костяника, надеюсь, ты помнишь, о чем мы беседовали...

– Так, конечно, Ведана Людимировна, – фыркнула дев-

чушка.

– Бесята будут жить дальше по коридору, – продолжила дама. А Воська не стала уточнять, что те скорей во мраке станут прятаться, чтоб извечно рядышком обретаться, но отдельно от нее жить не будут. Впрочем, сейчас споры ни к чему. Да и отдохнуть всем не помешает.
 Заглянув в небольшую спальню с двумя маленькими кроватками, и юная ведунья и подручные ее остались довольны.

На том и распрощались. Воська поблагодарила провожатую за прием и уверила ту, что станет обращаться только в крайнем случае.

– Мне на самом деле тебя-то в наказание пихнули, – заявила Костяника, едва дверь за Веданой Людимировной закрылась. Весенья от такого заявления малость опешила. От соседки сие не укрылось, та даже смехом прыснула, – я просто немного набедокурила на той неделе, вот и решили, что надобно мне... как это сказали... – она явно сосредоточилась, чтобы вспомнить непривычную фразу, – чувство ответственности прививать! Во!

Они прошли вглубь комнаты, здесь, среди бревенчатых стен, обнаружился небольшой очаг, две больших кровати из простого сруба сколоченные, на стенах - полки, где пустые, где с книгами. Мебель добротная, из темного дерева. Возле обеих кроватей - сундуки с вещами и шкафчики с прозрачным верхом. Посреди комнаты, аккуратно перед очагом - столик с двумя удобными креслами. У дальней стены – окно за

ажурными занавесями. А сбоку в стене – еще дверь, знать, в туалетные комнаты.

– Ну, рассказывай, – Костяника с размаху плюхнулась на одну из постелей. Смяты они были обе, точно Вешина соседушка поочередно на обеих валялась. Впрочем, то было недалеко от правды.

– Рассказывать? – переспросила удивленно. Сама ж про себя поспешно раздумывала, чтоб такое-этакое сочинить.

– Хотя погоди! – перебила ее порывистая девчушка. – Дай, сама угадаю.

Она пригляделась к Весе, даже кончик языка прикусила, смешная такая.

– Городская? – с прищуром подозрительным спросила, но и здесь Весенья и слова вставить не успела. – Как есть городская! И спинку вона, как ровнехонько держишь. И одежда какая, деревенские такого не сошьют. Еще и не одна посередь курса явилась, с подручными, видать, ране училась где?

Ну, здесь уж Веша выдохнула, присела на свободную постель с улыбкой, позволяя Костянике самой историю придумывать. Зачем ей что-то сочинять, когда вон эта егоза сама сейчас все набрешет! А та только и рада. Совсем уж в фантазии свои провалилась.

– Издалека верно откуда-то, раз порталом тебя привели, а я видала, в окно глядела, тебя поджидала. Страх, как интересно было, кого ж ко мне поделят. Горянка, напротив живет, вон мне сегодня на голове плешь проела со своими

распросами. А я что? Мне только и сказали – Костяника, мы тебе наказание придумали, наконец. Подселим к тебе соседку. Не, конечно наказание то не в том, а что мне с тобой, значится, нянчиться придется, – она глянула встревоженно, подскочила даже, теперь уж сидя на Воську уставляясь.

– Не, я ж не против! Но вот Ведана Людимировна почему-то решила, что сие наказанием будет славным. Станные они иногда, эти учителя.

– Ведана Людимировна показала мне доброй, – отозвалась Воська, заглядывая в свой сундук и принимаясь вещи в оном перебирать.

– Ну, не злая, эт да. Но иногда такая строгая бывает, у меня аж мороз по коже идет. Во, как сейчас, глянь! – и сама под нос Воське руку сунула, показывая, как, стало быть, кожа у ней пупырьками покрывается.

– А ты сама откуда будешь? – ведуня решила не изменять историю, что Костяника про нее сочинила.

– Так отсель, из Благовещенска и есть, – махнула рукой, – папка – купчий, маманька ребятню нянчит. Я только и радехонька была из того дома шумливого сюда сбежать, как дар обнаружился. Ой, батька так рад был, так рад! Не зазря, говорит, на всяк случай сбережения хранил. Вот и поступила. Хотя, иногда, конечно, и обратно тянет. А ты, есть у тебя семья? – но поглядев внимательно еще добавила, – али жаних?

– Сирота я, – покачала головой.

– А кто ж тогда за учебу твою платит? Точно ж говорю,

жаних! – и сама себе в ладоши захлопала, шебутная.

Признаться, после всех дней минувших и событий чере-ды, этакая шумная соседка малость тяготила. С другой стороны, если все таковое, каким кажется – скучать не при-дется.

Потому на последнюю фразу, совсем уж забавляясь, Вось-ка лишь плечами пожала. Костяника ж снова прищурилась.

– Какая-то ты не шибко говорливая. Ну, да маменька за-всегда говаривала, что я даже мертвого разговорить способ-на. А кто ж виноват, что мне всех узнать охота? – Вскочила она с постели, – пойдем, покажу тебе, что тут есть еще.

– Спасибо...

Так узнала Воська о туалетной комнате, где даже с лей-ка-дождик обнаружилась за стеклянной дверцей. Водопро-вод и здесь в почете оказался, не придется думать, что с ноч-ной вазой делать...

Спать уж ложились, когда Воська, под нескончаемый ще-бет соседки, вспомнила про пергамент. Из сундука оный вы-удила, за столик уселась да принялась грифелем выводить буквы печатные. До Лесьяра с его завитками ей, конечно, далеко было, но лучше так, чем ничего вовсе.

“Меня уже заселили в комнату, все хорошо, встретили ра-душно”, – написала и замерла, ожидая, когда надпись исче-зает примется, чтоб на Лесьяровой стороне явиться.

– Ты меня слушаешь? – чуть обиженно позвала Костяни-ка.

– Да, извини, – опомнилась Воська, – я обещала написать, как на месте устроюсь.

– Кому? Ты ж сирота, – усмехнулась соседка. Глаза сузила, веселясь подозрительностью, – говорю ж, жаних есть!

Вешка отрицать не стала, ровно как и подтверждать. Рано о том пока думать даже. О женитьбе всмысле.

Надпись на листке тем временем исчезла, чтобы мигом позже проявились другие витиеватые буквы:

“Очень рад! Как тебе сама академия? Башню почти восстановили...”

– Это что у тебя, двусторонний свиток? – Костяника, как увидела со своей кровати волшбу творимую, тотчас все слова растеряла.

– Вроде бы... я пока не шибко разбираюсь.

– Да он ведь целое состояние стоит! – разве что не при-
сви-стнула девчужка, – может, ты прям из Яснограда?

– Это подарок, – отозвалась, новую надпись выводя:

“Академия очень красивая. Мне нравится. А башенка больше не грустит?”

“Нет, не переживай. Меня зовут рабочие, пиши завтра, как пройдет первый день. Доброй ночи, пичужка”.

Вот так вот коротко и закончили. Конечно, расстались они всего ничего времени назад, но Воське уже грустно оттого делалось, как еще столько месяцев впереди пережить - кто б подсказал.

– Точно сосватана, – ехидно посмеивалась соседка, – так

ТОКМО ПО СУЖЕНЫМ ВЗДЫХАЮТ.

Веська в очередной раз за вечер улыбнулась плутовато.

Глава 6

Утро в суете началось. Веська хоть и привычная была к подъемам ранним, но все ж события дней минувших ее позапустили.

Очи распахнула, так даже не уразумела сразу, где находится. Вот потолок над ней бревенчатый... А откель он такой, когда ж башне все из камня черного?

Зажмурилась снова – чередой воспоминаний понеслась перед взором внутренним. В груди все сжалось болезненно — тоскливо.

– Эй, просыпайся, голубушка! – послышался бойкий девичий голосок. Вся глаза-то раскрыла, но сознанием все еще где-то в ином месте пребывала. – Первый звонок к подъему уж прозвонил, а ты спишь, что тот сурок, – ее соседка металась по комнате, перерывая раскиданные здесь и там вещи. И когда только успела такой бардак устроить? Вчера ж еще все по местам лежало... Вот у Весеньи в башне завсегда спальня в порядке пребывала, у каждой вещи – свое местечко имелось.

– Весенья? Как тебя по батюшке-то? Я вот Светозаровна. Костяника Светозаровна Купцова. Смешно этак, правда? Батяка купец и фамилия – Купцовы! – Казалось, девице и не нужны вовсе ни слушатели, ни зрители. Сама себе что-то жестикулировала, руками потрясала, да исподним, что в ру-

ки эти самые попадались. На Воську даже не подглядывала. Чего только ищет с таким тщанием?

Весенья тем временем на постели уселась, зевая. Кажется, еще с вечера она себя лучше ощущала, нежели теперь. Тело ломило, глаза чесались, а какая усталость навалилась, словно и не спала вовсе.

– Моесиловна я, Весенья Моесиловна, – отозвалась через силу ноги на пол спуская. Коврика теплого тут не было... лишь сухая колкая рогожка. А она, оказывается, успела привыкнуть к ощущению мягкого меха по утра.

Головой потрясла, ладонями по щекам провела, с лица усталость стирая. Ну, нет уж! Не дело это, вот так убиваться! Да, она привязалась к башне, но до этого ведь о доме родном, где с малых лет жила, так не страдала!

“Потому, что там никого не осталось...” – шепнули мысли. Пришлось те вдохом глубоким отогнать.

– Ты поди пока, умывайся, не то Лазаря всю воду горячую с этажа изведет, – подсказала Костяника, к ней оборачиваясь. Да как разглядела соседку, миготом от поисков своих оторвалась, – ты в порядке? На тебе лица нет.

Весья щеки свои поспешно ощупала, глаза проверила, нос вот тоже, рот на месте. Чего пугает зазря?

Костяника сперва хмуриться принялась, брови вместе свела и с лицом непонятливым на Вешу глядела, а потом как расхохоталась. А Весья и вдруг осознала, чем занимается. Нет, ну надо простые слова так понять пребуквально? Улыб-

ка сама собой на губах растянулась.

– А может, и хорошо, ежели холодной умоешься, хоть проснешься, – девица плюхнулась на постель рядом с Вешей, – плохо спала?

Веська головой покачала.

– Устала просто за последние дни, ничего страшного.

Но соседка не унималась. За руку ее ухватила, в своих пальчиках мягких сжимая. Невольно подумалось Весе, что такие пальчики вряд ли работу тяжелую ведали. Стало даже как-то внезапно неловко.

– Ты не переживай. Я, может, и бедовая, да только своих не обижу. Коли поговорить захочешь, знай, что тут я. Ты меня еще, конечно, не ведаешь, но я людей хорошо чую. Ядвига Николаевна говорит, у меня особые способности к этой... – она снова лицо поморщила, явственно усилия прикладывая, дабы память расшевелить, – а! К эмпатии!

Весенья о подобном читала у Лесьяра в башне. Потому кивнула со взглядом благодарственным. Такие маги особливо природу людскую ощущали.

– Так вот, в тебе зла не чувствуется. Дышится рядом легко так, – заявила Костяника, подной грудью вдыхая, – и я очень рада, что мне именно такая соседка попалась! Все ж пять лет с тобой жить... А то вон Таське Лазаря подвернулась.

– Ты уже второй раз ее упоминаешь, – хихикнула Веська.

– Да еще бы! – Костяника и глаза закатила и руками всплеснула, – как с ней познакомишься, сама все поймешь!

От нее никому продыху нет.

На часы настенные глянула да тут же подскочила.

– Ой, давай уж поторапливайся, не то точно на завтрак опоздаем, одну кашу оставят! – и снова в вещах рыться принялась.

Про кашу, конечно, странно прозвучало. А что, собственно плохого в ней? Но что спорить, на месте узнает, что соседка сим сказать хотела.

– Ты потеряла чего? – спросила, взглядом провожая летящие через комнату панталоны. Те приземлились аккурат на столик.

– Да заколку свою найти не могу! -- отозвалась с досадой, -- бабочка ажурная такая, мне ее батька купил, когда я первый раз с ним на ярмарку поехала. Почитай, полжизни со мной, – вздохнула горестно, захлопывая крышку тяжелого сундука, – и ведь вряд ли спер кто, она ж не золотая даже, так, латунь, а мне как память дорога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.